

Посвящается Эйлис

Пролог

Из маленького домика на берегу океана

Меня зовут Свен. Одним я известен как Свен-Стокгольмец, другим как Одноглазый Свен или как Свен-Тюленеёб. На Шпицберген я попал в 1916 году. Тридцатидвухлетний, личностью я был малозначительной.

Я примерно знаю, что говорят обо мне те немногие, кому вообще есть что сказать: что я жил один и охотился в большой бухте и охотничьих районах Рауд-фьорда в самой глуши Крайнего Севера; я жалкая жертва аварии на шахте, я вздорный эксцентрик и затворник. И эти факты — правда, хоть и не вся. А вот утверждения о том, что я здорово и с удовольствием готовил, давайте из протокола вычеркнем: это вопиющая ложь.

Большую часть жизни я провел на Шпицбергене, островном архипелаге на севере от Норвегии, пограничные области которого в считанных градусах от невидимого полюса. В наши дни политики, генералы и картографы называют архипелаг Свальбардом. Подавляющее большинство не называет его никак. Эпоха географических исследований давно миновала, и если Шпицберген теперь и присутствует в мыслях обывателей, то как слабое эхо или как полузабытое слово.

Вполне возможно, что людям интересно — или я только воображаю, что им интересно? — чем я занимался столько десятилетий в одиночестве. Они, верно, думают, что жизнь состоит из вех, из огромных скал, проступаю-

щих в беспокойном безбрежном море, которое и омывает их, и истачивает. По-моему, это чушь. Мало людей пишет мемуары, а читает их еще меньше, поэтому в большинстве случаев приходится полагаться на пару-тройку ориентиров, зачастую сомнительных, когда разглядываешь чье-то существование через мутное стекло. Любая жизнь намного любопытнее и прозаичнее рассказов о ней. В узких, как игольное ушко, кругах знакомых я считаюсь нелюдимым отшельником, охотившимся в Арктике. А ведь на деле это ошибка — один я не был почти никогда.

Вот моя история.

Часть 1

1

Родился я, разумеется, в Стокгольме, под именем Свен Ормсон. Отец мой работал в дубильне, его профессию я почти не уважал до тех пор, пока сам не начал выделывать кожу. Мать занималась мной и двумя моими сестрами. В этом этапе моей жизни ничего примечательного нет. Толпы людей, неутихающий шум, вонь — вряд ли в городе задыхался только я. Жили мы небогато, поэтому с самого раннего детства мы с сестрами работали на мельнице. Скажем так, меня это положение вещей никогда не устраивало. Угробить жизнь на черную работу в вонючей дыре — с такой долей я смириться не мог. Думаю, мама мне сочувствовала, но вслух об этом ни разу не говорила.

При этом я не относился к числу молодых людей, считавших, что они предназначены для чего-то великого. Предназначение и судьба меня в ту пору не интересовали. Я знал, что родился не для того, чтобы ублажать кого-то, не говоря уже о Боге. Я просто не находил себе места. Национальная гордость, военная служба, похабные песни, хохот взрослых, духота и теснота — все это казалось мне отвратительным. Да, пожалуй, и сейчас кажется. Но все это — заветные скрепы шведского общества. В довольно банальных муках отчуждения и недовольства,

я, как и многие молодые люди до меня, обратился вместо этого к книгам.

Моей отдушиной стала тема полярных исследований и бесконечных трудностей, которые могут постигнуть бросивших вызов безжалостной белой смерти. На рубеже столетий вся Швеция еще говорила о Фритьофе Нансене и Саломоне Андре: первый — с его новаторскими исследованиями морей и океанов и впечатляющей историей выживания; второй — с его невероятными проектами и трагическим исчезновением в арктической пустоши. Потом две триумфальных экспедиции совершил Руаль Амундсен. Я в ту пору разменял третий десяток и помню, как живой интерес у меня перерос в легкую одержимость. Помню, как мечтал отправиться в неизведанные земли. Бредовых желаний вроде «совершить подвиг для Швеции» у меня не было. Напротив, я считал себя узником, а Швецию — своей тюрьмой.

О путешествиях я читал все, что мог найти: и ужасно скучные путевые заметки (работы Нансена, конечно, не в счет, он как раз писать умел), и яркие, преимущественно вымышленные истории, вроде «Жизни Нельсона» Роберта Саути. Читал я всегда много и жадно, погружался в книги, пока это позволял отец, ну а теперь я поглощал их с исключительно старательной сосредоточенностью, как наркоман, вернувшийся к своей привычке после долгого воздержания.

В редкие дни я околачивался возле Полярного института, наблюдал за двусторонним потоком мужчин в элегантных деловых костюмах и силился представить их голодающими, одетыми в звериные шкуры. Некоторые из них несли кожаные портфели, как мне казалось, полные загадочных карт. Были ли это те самые исследователи? Вряд ли. Но к настоящей жизни они были куда ближе, чем я, — буквально на ее пороге. Я топтался у входа, старательно изображал безразличие, а сам заглядывал «исследовате-

лям» в глаза: не горит ли в них дикое возбуждение, которое, как мне думалось, люди видят у меня? Но ничего примечательного я не находил. Большинство казались раздраженными или поглощенными своими мыслями. Наверное, так выглядят дикие звери в клетке.

Я спросил об этом свою младшую сестру, Ольгу. С ней мы были очень близки. А вот Фрея, моя старшая сестра, была сволочью и ненавидела меня. По-моему, ее до сих пор возмущает, что я посягнул на незыблемость ее мира. А вот Ольга, наоборот, всегда пользовалась моим доверием. Хрупкая, застенчивая, она, тем не менее, сметала все барьеры между собой и правдой. Это ее качество меня всегда восхищало. Лицемерить Ольга не могла физически. Моя мать беспокоилась, что в итоге это помешает выдать ее замуж.

— Ольга, посмотри мне в глаза! — попросил я, когда мне было лет девятнадцать, а сестре — семнадцать.

— Хорошо, — согласилась она.

— Что ты видишь?

Ольга обдумала вопрос.

— Ничего не вижу.

— А жалкого отчаяния существа, лишённого свободы, не видишь?

— Нет, — ответила она.

— Посмотри снова. В них же явно бушует буря!

— Свен, нет там никакой бури. Ты тарачишь глаза и вскидываешь брови, как маньяк. Перестань, пожалуйста.

2

Еще несколько лет отупляющей работы на мельницах окончательно подавили во мне дух загнанного в клетку зверя.

Бездумный механический труд всегда вызывал у меня сонливую вялость. Веки смыкаются, движения замедляются до полного оцепенения. Мысли текут сонно и бесцельно.

но. Хорошим мельником так не станешь. В сфере деятельности, где гордятся сноровкой и расторопностью, я был, скорее, помехой, чем полезным винтиком. То и дело в чувство меня приводил бригадир — вставал за моей сгорбленной спиной и орал, что я жалкий лентяй. То и дело меня увольняли. И лишь потому что мой отец был десятником, имел много друзей и пользовался уважением, меня брали на другие мельницы. Пристроит меня старый ублюдок и помыкает мной: вот, мол, совершил еще один благородный поступок, да и вообще на свет меня произвел, за что я перед ним в вечном долгу.

Уверен, мои соратники, как и мой отец, не сомневались, что я странноват или отстаю в развитии. В отличие от большинства мужчин моего возраста и общественного положения, я не просиживал вечера в барах, не опускался до пьянства и распевания шведских народных песен. Я откладывал получку и каждый раз отдавал немного матери. Я не женился и не производил на свет детей, с которыми встречался бы редко. После смены я возвращался в свою убогую квартирку и читал книги о звероловах и оленеводах-саами. Я пил, порой неумеренно, в одиночку.

Когда Ольга наконец вышла замуж за скучного, но вполне приличного торговца рыбой, а Фрею в восемнадцать выдали за мельника, такого же невыносимого, как она сама — наша мать, видимо, перестала верить в мое светлое будущее и смирилась с тем, что я безобидная аномалия — мальчик славный, но странноватый.

Разумеется, у меня случались увлечения, но его объектами неизменно становились особы, совершенно не подходящие парню моего положения, — дочь богатого адвоката, ни разу на меня не взглянувшая; замужняя пекариха, которая пекла восхитительные булочки, а когда я расплачивался, непременно касалась моих пальцев; и, как ни банально, проститутка, заразившая меня венерической болезнью. Пожалуй, нелепо утверждать, что каждая из них

нанесла мне серьезную сердечную рану, при том, что инфекция едва не стоила мне жизни, но я убежден, что неразделенная, точнее, неразделяемая любовь неумолимей и смертоносней топора викинга.

Тревоги у меня были приземленными, но ведь приземленной была и моя жизнь. Острое желание ослепить себя белым светом где-нибудь в полярных регионах погасло, а вместе с ним и моя надежда. По сути, я превратился в фаталиста или, по крайней мере, в циника. Я обозлился и порой проявлял жестокость.

В двадцать два года Ольга родила первого ребенка, мальчика. Милая Ольга! Как откровенно она добивалась моего одобрения, как по-детски я страдал от нашего разрыва и скрывал это. Взрослея, мы порой отдаляемся от самых близких друзей и родни. Мне не нравился ее муж, невежа Арвид. Он неизменно радовался моим визитам, неизменно проявлял себя радушным, хлебосольным хозяином своего скромного дома и неизменно нарывался на мою холодность. Нередко использовал я возвышенный язык, которому научился из произведений Нансена и других великих людей, дабы еще больше отдалиться от Арвида. Радости я при этом не чувствовал, но упорно гнул свое.

— Свен! — мог воскликнуть сияющий Арвид. — Как я рад тебя видеть! Надеюсь, на мельнице дела идут хорошо или, лучше сказать, «сносно»? Пожалуйста, проходи! Я заварю тебе чай.

— Арвид, механизированная промышленность лишь рак, поразивший современный мир. Мой каторжный труд в невежественном городском улье — сплошной кошмар, от которого я вряд ли очнусь. Дела на мельнице ни «хорошими», ни «сносными» не назовешь. Где моя сестра?

Муж и жена — одна сатана, и моя холодность по отношению к Арvidу не могла не распространиться и на Ольгу. Как мог я предъявлять к ней завышенные требования?

Как мог ждать от нее столь многого, сам довольствуясь малым? От этих воспоминаний мне до сих пор больно.

Когда родила Вилмера, Ольга не просто написала мне и не просто отправила мужа через полгорода, чтобы сообщить новость. Нет, она обернула пищашего малыша в тяжелые пеленки, закутала в шарфы и пешком пошла с ним через грязные закоулки Стокгольма, дабы представить мне лично. Всего четыремя днями ранее, при родах, Ольга потеряла немало крови и была еще слаба. Не представляю, как она добралась до меня: для женщины в ее состоянии это поступок отважнейший. Жаль, тогда мне не хватило ума похвалить ее. Моя храбрая сестра!

К ее приходу я еще не вернулся со смены. Целых три часа она ждала в коридоре перед запертой дверью, вне сомнений, стараясь защитить моих соседей от плача растерянного младенца. Когда я наконец появился, Ольга встала, чтобы со мной поздороваться. Ее лицо казалось усталым, невообразимо усталым, зато в глазах горел огонек, которого я не видел уже несколько лет.

— Дорогой Свен, посмотри, это Вилмер! — начала она. — Можешь представить себе, что еще несколько дней назад он жил у меня в чреве? Наш мир — место невероятное.

— Правда? — отозвался я и отпер дверь.

В грязной комнатушке, единственное окно которой выходило на кирпичную стену в тускло и слабо освещенном проулке, мы сели за крохотный стол. Когда Ольга кормила Вилмера, я отвел глаза. Я понимал, что она ждет похвалы или благословения по отношению к своему малышу и к невероятному событию его рождения. Понимание это раздражало меня; нарастая, оно заполонило комнату, и я не мог говорить. Эгоизм молодых людей беспримерен. Он окружает их, словно туман.

— Свен, — наконец проговорила Ольга, — знаю, жизнь твоя твоим желаниям не соответствует. Моя моим — тоже.

Ситуация для нас с тобой одинаковая. А сейчас, дорогой брат, посмотри на этого ребенка и скажи, ну разве он не прекрасен?

Я мельком глянул на сморщенного паразита, корчащегося у нее на руках. Ольга говорила правильно, она всегда говорила правильно — малыш был чудом. В наш мир он пробился сквозь грязь и холод, и на этом испытания не закончились. Отныне каждый день станет для него не менее тяжелым испытанием. Малыш посмотрел на меня большими заплаканными глазами, и я почувствовал невольное восхищение этим получеловеческим существом: уродец, но бесстрашный. Так мне и следовало сказать Ольге.

— Хм-м, — промычал я. — Вне сомнений, его ждет блестящее будущее — потеть и надрываться на какой-нибудь адской фабрике, тратить убогое жалованье, чтобы дотянуть до преждевременной смерти.

— Прошу тебя, Свен! — В глазах Ольги читалась боль.

— Это я тебя прошу. При невообразимом везении ребенок может пойти по стопам отца. Тогда его ждет жизнь, потраченная на пересчет товара, закупку товара, продажу товара, вечные тревоги о поставке товара и спросе на товар, нескончаемые разговоры о стоимости товара — и так, пока не сойдет с ума он сам и все его окружающие.

Я думаю, нет, я уверен, что Ольга уходила от меня с мокрым от слез лицом.

3

Минуло четыре года. Я превратился в существо, дни которого составляют не жизнь, а, скорее, наступление смерти. Дни были тягостной повинностью. Из-за отсутствия энтузиазма к любому труду на мельнице мне доставалась самая грязная работа, которую я выполнял в ночную смену. В чернейших чернорабочих я держался благодаря отцу. Либо потому что никто по-настоящему не переживает из-